

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2021

Ростов
2022

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2021 /
И90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». –
Ростов, 2022. – 404 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-4-3

В сборнике опубликованы материалы XXXI научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 9–11 ноября 2021 г.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-4-3

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2022

Содержание

Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Ростовские князья на Куликовом поле	7
Грязнов А. Л. (<i>Вологда</i>). Канцелярия князя Андрея Васильевича Меньшого.....	13
Орлов К. В. (<i>Санкт-Петербург</i>), Титов Г. А. (<i>Москва</i>). Изображения на ростовских монетах XIV–XV вв. и их прототипы	33
Кривцов Д. Ю. (<i>Нижний Новгород</i>). Угличское предание о митрополите Алексее в контексте легенд о путешествующих святых – основателях монастырей / храмов: историко-типологический аспект.....	53
Казаков А. А. (<i>Москва</i>). Московская митрополия, Ростовская архиепископия и Пошехонье в середине XVI в.: об одном свидетельстве Жития Адриана Пошехонского	66
Гожалимова О. С., Иванов Л. М. (<i>Рыбинск</i>). Рыбная слобода как часть регионального промыслового комплекса XVI–XVII вв.	70
Черкасова М. С. (<i>Вологда</i>). Новые документы митрополита Ростовского и Ярославского Ионы Сысоевича	77
Пушков В. П. (<i>Москва</i>). Калужские вкладные записи на московских изданиях первой половины XVII в. (по собраниям РГАДА).....	112
Сергеев А. В. (<i>Санкт-Петербург</i>). «Русская родословная книга» князя А. Б. Лобанова-Ростовского как продолжение «Российской родословной книги» князя П. В. Долгорукова (на примере Ростовских Рюриковичей)	121
Белова Н. В. (<i>Ярославль</i>). Книги из библиотеки архиепископа Антония (Знаменского) в фонде Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова.....	141
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). О четырех сооружениях Соборной площади Ростова	151
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). «Ярославские губернские ведомости» как источник по традиционной культуре населения Ярославской губернии XIX – начала XX в. (на материалах Романово-Борисоглебского и Рыбинского уездов).....	167

Колбасова Т. В. (Ростов). Опыт создания новых экспозиций в Ростовском музее древностей в 1920-е гг. (К 100-летию открытия картинной галереи).....	180
Никитина Т. Л. (Ростов). Скульптурная ставроптека из ростовского Авраамиева монастыря	200
Пуцко В. Г. (Калуга). Икона свт. Николы с житием из Ружной церкви в Ростове Великом	209
Брюханова Е. В. (Ростов). Шитая икона с финифтяными вставками из собрания Ростовского музея.....	221
Пак В. Ф. (Ростов). Атрибуция нескольких миниатюр на эмали из собрания ГМЗ «Ростовский кремль» (иконы ростовских крестьян Папутниковых).....	250
Иванов В. В. (Москва). Андрей Дмитриевич Иванов и его семья (Ростов конца XIX – начала XX века)	262
Степанов К. А. (Ростов). Первая мировая война: военнопленные в Ростовском уезде Ярославской губернии	275
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). От студента-эсера до последнего священника взорванного храма: Николай Николаевич Нагорный по документам личного архива	304
Ланской Г. Н. (Москва). Документы архива Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»: проблемы систематизации, атрибуции, описания и использования	316
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). «Недостающие кусочки пазла»: массовые генеалогические источники в фондах ГМЗ «Ростовский кремль» (метрические книги, исповедные росписи, брачные обыски и т. п.).....	322
Садовников В. А. (Ростов). Каталогизация колоколов из собрания Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».....	338
Сапожникова А. Г. (Ростов). Борисоглебцы в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны. Материалы к выставке «Герои Великой Победы»	347
Андреева А. Ю. (Переславль-Залесский), Халиков И. А. (Казань). К вопросу о проблемах создания охранных зон объектов культурного наследия	353

Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). К проблеме сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторической застройки торговых сел Ростовского уезда	359
Вишневский В. И. (<i>Сергиев Посад</i>). Городище «Городец» у д. Гусарниково на р. Печегде – памятник дьяковской культуры	367
Уткин Д. Е. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Археологические разведки на территории Богоявленского островского монастыря в д. Хопылево	376
Леонов Д. Е. (<i>Ростов</i>). Звания «Почетный гражданин города Ростова, Ростовского района», «Почетный гражданин Ростовского муниципального округа», «Почетный гражданин Ростовского муниципального района»: учреждение, практика присвоения (1995–2021 гг.)	383
Список сокращений	402

Канцелярия князя Андрея Васильевича Меньшого¹

А. Л. Грязнов

Андрей Васильевич Меньшой — младший сын Василия II. К моменту кончины отца в 1462 г. он еще не достиг совершеннолетия и в соответствии с традицией несколько последующих лет оставался под опекой матери. По духовной Василия Темного его младшему сыну в качестве основного владения была выделена Вологда, Кубена и Заозерье с прилегающими волостями². В середине 1460-х гг. этими территориями распорядилась вдовья великая княгиня Мария Ярославна. Известны жалованные грамоты и подтверждения, выданные от ее имени на земли в волостях, предназначенных в удел кн. Андрею³. Следовательно, в это время не существовало ни собственного двора юного князя, ни княжеской канцелярии⁴, как составной части этого двора.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00360.

² «А сына своего Андрея Меньшого благословляю... даю ему Вологду, и с Кубеною, и з Заозерьем со всем, и что к Вологде, и х Кубене, и к Заозерью потягло, и с пошлинами, да с Иледам, с Обнорою, и с Комелюю, и с Волочком, да Авнегу, да Шиленгу, да Пельшму, да Бохтюгу, да Оухтюшку, да Сяму, и Отводное с Перфушковыми селы, да Тошну, да Янгосар...» (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. (далее — ДДГ). № 61. С. 195). Подробнее о территориальном составе удела кн. Андрея Меньшого см.: *Грязнов А. Л.* Бохтюжское княжество и землевладение Дионисьево-Глушицкого монастыря в XV в. Русский удел начала XV в. через призму монастырской истории // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 341–342; *Он же.* Расположение и границы северных владений ярославских князей // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 года. Ярославль, 2016. С. 182–188.

³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. (далее — АСЭИ). М., 1958. Т. 2. № 349. С. 345 (Раменейце); АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 256. С. 276–277 (весь удел кн. Андрея); № 268. С. 283 (Бохтюга).

⁴ В данной статье используется терминология, применяемая при изучении и других княжеских канцелярий второй половины XV — начала XVI в. Под «уделом кн. Андрея Васильевича» подразумевается совокупность всех его владений (город, волости, села). В качестве синонима этого термина используется «Вологодский удел». Соответственно, служба в Вологодском уделе синонимична службе кн. Андрею Меньшому. Под сотрудниками княжеской канцелярии подразумеваются дьяки и подьячие. Соответственно, под «Вологодской канцелярией» понимается совокупность дьяков и подьячих, служивших кн. Андрею Васильевичу Меньшому. В свою очередь, термин «вологодский дьяк» применяется к дьякам, служившим Андрею Меньшому, и синонимичен «дьяку Андрея Меньшого» и «дьяку Андрея Вологодского» (подробнее о применяемой терми-

Первая сохранившаяся датированная грамота вологодского князя была выдана в Москве в 1467 г.⁵ К этому времени Андрею исполнилось 15 лет. Судя по всему, именно с этого года можно начинать отсчет его самостоятельного правления (в той мере, насколько это возможно для юного князя). С этого же времени в источниках начинают упоминаться его служилые люди. Ранее они служили Марии Ярославне⁶, и в историографии обоснованно устоялось мнение о том, что ее двор служил источником для формирования двора Андрея Меньшого⁷.

Женат вологодский князь не был и, скончавшись 5 июля 1481 года⁸, не оставил прямых наследников⁹. Таким образом, вологодский удел существовал всего 15 лет. Сравнительно краткое существование этого политического образования оставило не очень глубокий документальный след, тем не менее, даже подобный набор источников может дополнить наши знания о функционировании такого института как княжеская канцелярия XV в.

Специального исследования канцелярии кн. Андрея Меньшого пока не проводилось. Тем не менее, сведения о ее сотрудниках, а в ряде случаев и некоторые обобщения, приводятся в работах о дьяках и княжеских канцеляриях XV в.

нологии см.: *Грязнов А.Л., Мошкова Л.В.* Канцелярия угличского князя Андрея Большого // История и культура Ростовской земли (далее – ИКРЗ). 2020. Ростов, 2021. С. 29–30).

⁵ АСЭИ. Т. 2. № 180. С. 112.

⁶ *Корзинин А.Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 21–23, 32. О службе сначала у Марии Ярославны, а потом у Андрея Меньшого говорится в родословных росписях Мячковых (Федор Мячков – «А был он у Ондreja у Вологодского боярин и дворещкой» (РГАДА. Ф. 357. Оп. 1. Д. 16. Л. 149 об.–150)) и Монастыревых (Семен Пешек Сабуров и Василий Безнос Монастырев – «А был в боярях у великие княгини у Марфы да у князя Михаила у Ондреевича. А отпущала великая княгини Марфа сына своего Меньшого князя Ондreja на удел на Вологду, а с ним послала бояр своих Семена Федоровича Пешка Сабурова да Василья Федоровича Безноса. А после того Василий Безнос служил у князя Михаила Ондреевича и не стало его в боярех» (Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 170)).

⁷ *Зимин А.А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. М., 1977. С. 173–174; *Рыков Ю.Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1982. Вып. 43. С. 93; *Савосичев А.Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013. С. 228; *Корзинин А.Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны. С. 43. Подробнее об истории владений вел. княгини Марии Ярославны и их статусе см.: *Городилин С.В.* «Ростовцы, которые служат великому князю»: к вопросу о Ростове как удельном центре великого княжения Московского второй половины XV в. // Сообщения Ростовского музея (далее – СРМ). Ростов, 2020. Вып. 25. С. 14–41.

⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 213.

⁹ Более подробную биографию кн. Андрея см.: *Черкасова М.С.* Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М., 2017. С. 132–139.

В справочнике С. Б. Веселовского о дьяках и подьячих к служившим у Андрея Вологодского отнесены Федор Мячков и Василий Ухтомский¹⁰. По сведениям, систематизированным А. А. Зиминим, канцелярия Андрея Меньшого реконструируется в составе Андрея Майко, Федора Мячкова и Василия Ухтомского¹¹. По мнению Ю. Г. Алексеева, в число дьяков Андрея Васильевича Вологодского входили Федор Мячков, Василий Ухтомский, Никифор и Семен¹². А. Ю. Савосичев в состав канцелярии Андрея Меньшого включал дьяков Андрея Майко, Федора Мячкова и Василия Ухтомского¹³. А. Л. Корзинин, разбирая состав служилых людей Марии Ярославны, отождествил дьяка Никифора, служившего у вдовой великой княгини и Андрея Меньшого, с дьяком Никифором, работавшим в это же время в угличской удельной канцелярии¹⁴. С. М. Каштанов по этому же вопросу остановился на уровне предположения¹⁵.

В целом, консенсусом, сложившимся в историографии, можно считать службу в вологодской канцелярии Федора Мячкова и Василия Ухтомского. В остальном обнаруживаются разногласия. С. Б. Веселовский не относил к числу служивших у кн. Андрея Васильевича Андрей Майко¹⁶. Не включал его в состав дьяков вологодского князя и Ю. Г. Алексеев. В работе А. А. Зимина ошибочно указано, что дьяк Никифор, заверявший подтверждения грамот Василия II Кирилло-Белозерскому монастырю, служил Андрею Большому, а не Андрею Меньшому¹⁷. Ю. Г. Алексеев по недоразумению включил в число вологодских дьяков Семена, который на самом деле подписал подтверждение грамоты Василия II от имени Андрея Угличского¹⁸. А. Ю. Савосичев среди вологодских дьяков не называет Никифора, отмечая, что дьяк Никифор Демидов служил у Марии Ярославны и Андрея Угличского¹⁹.

Выявленные разногласия, а в некоторых случаях и ошибки, требуют повторного обращения к источникам, а сам набор сохранившихся документов позволяет рассмотреть вопросы, связанные с историей вологодской княжеской канцелярии более детально. В их числе можно выделить: — численный и персональный состав княжеской канцелярии;

¹⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 407, 351, 533.

¹¹ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. С. 250–251, 257, 274.

¹² *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV – XV вв. СПб., 1998. С. 180.

¹³ *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в. С. 228.

¹⁴ *Корзинин А. Л.* Двор великой княгини Марии Ярославны. С. 27–28.

¹⁵ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 370.

¹⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие. С. 311.

¹⁷ *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России. С. 258.

¹⁸ АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 304. С. 214–215.

¹⁹ *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие. С. 228, 460.

- хронология работы канцелярских служащих;
- распределение между ними функционала;
- источники формирования персонального состава канцелярии;
- происхождение и социальный статус канцелярских служащих;
- последующая судьба и карьера канцелярских служащих после ликвидации удела;
- уточнение датировки актов, подготовленных в вологодской канцелярии.
- приемы оформления документов. Наличие или отсутствие особенностей в этой процедуре по сравнению с другими канцеляриями князей Московского дома.

Всего сохранились тексты 25 актов, составленных от имени вологодского князя. Кроме того, еще четыре грамоты родителей были подтверждены Андреем Васильевичем. Таким образом, мы имеем дело с 29 текстами, так или иначе связанными с канцелярией Андрея Меньшого. Немногим более половины из них – 16, сохранилось в подлиннике²⁰. За двумя исключениями это все жалованные грамоты. Одна меновная, а последним документом, составленным от имени Андрея Васильевича, была его духовная грамота. Не сохранилось текстов ни указных, ни правых, ни купчих грамот, изданных от его имени.

Среди актов кн. Андрея Васильевича сравнительно высока доля тех, у которых в тексте указана дата составления – 16. Причем, серия из 11 грамот была выдана в 1471 г. Восемь из них были составлены 6 декабря, еще одна 7 декабря и две 19 декабря²¹. В девяти декабрьских грамотах указано, что они были выданы на Вологде. В одной грамоте 1472 г., сохранившейся в списке и аутентичность которой находится под сомнением, место составления точно не указано²².

Напрямую в актах указана служебная связь с кн. Андреем Меньшим трех дьяков: Никифора, Андрея Мячко и Василия Ухтомского. В общей сложности в этом контексте дьяки Андрея Меньшого в актовых источниках упомянуты семь раз.

---

²⁰ Два подлинника жалованных грамоты кн. Андрея сильно повреждены и оказались разделены на части. До недавнего времени считалось, что окончания этих грамот утрачены, но, они были обнаружены А. В. Дедуком в ОПИ ГИМ. Благодаря этому полностью восстанавливается текст и внешний облик этих документов. Первый из этих документов – жалованная грамота от 19 декабря 1471 г., разделенная в настоящий момент на три части, хранящиеся в разных архивах: НИА СПбИИ. Ф. 238. Оп. 2. Карт. 33. № 2 (АСЭИ. Т. 3. № 273. С. 288), ОР РГБ. Ф. 711. Оп. 1. Д. 196/1. Л. 1–1 об. (*Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. // Записки отдела рукописей. М., 1982. Вып. 43. № 3. С. 96–97) и ОПИ ГИМ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 1. Второй документ – жалованная грамота, датируемая 1472–1475 гг., одна половина которой хранится в РГБ (ОР РГБ. Ф. 711. № 196/2. Л. 2–2 об. (*Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 4. С. 98)), а вторая – в ГИМ (ОПИ ГИМ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 3).

²¹ АСЭИ. Т. 2. № 191–200, 273; *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 3. С. 96–97.

²² АСЭИ. Т. 2. № 219. С. 141.

Имя Никифора фигурирует трижды и только в связи с подтверждениями от имени кн. Андрея Васильевича, которые он ставил на грамотах Василия II²³. Эта процедура проходила в начальный период княжения Андрея Меньшого. Во всяком случае, одно из подтверждений, судя по всему, имело дату — 6977 (1468/69) г.²⁴ В более поздний период Никифор в качестве дьяка вологодского князя не фигурирует.

Федор Мячков первый раз упоминается в такой же ситуации, как и Никифор²⁵, а второй раз в недатированной грамоте, которая, по мнению И. А. Голубцова, относится к 1480—1481 гг.²⁶ Еще раз Федор Мячков фигурирует в грамоте 1470-х гг. и назван не только дьяком князя Андрея Васильевича, но и его писцом, который ранее описывал земли на Вологде²⁷. Еще одна грамота, упоминающая Федора Мячкова, текстуально не сохранилась и известна по описям крепостной казны Спасо-Прилуцкого монастыря. В ней в числе прочих хранилась жалованная грамота Ивана III вологодскому землевладельцу Тимофею Матафтину 1464/65 г., подписанная на обороте Федором Мячковым²⁸.

Князь Василий Ухтомский назван в духовной Андрея Меньшого в качестве дьяка, писавшего ее текст²⁹, а затем, уже после смерти вологодского князя (в 1487/88 г.), был обвинен в сговоре с целью подделки его жалованной грамоты Спасо-Каменному монастырю³⁰.

Непосредственное обращение к текстам грамот вологодского князя позволяет значительно увеличить объем информации о деятельности служащих его канцелярии.

Одна из сохранившихся в подлиннике грамот с подтверждением, заверенным дьяком Никифором³¹, дает образец и его почерка, который совпадает с почерком дьяка Никифора Демидовича, служившего у вели-

²³ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 65. С. 449 (АСЭИ. Т. 2. № 96. С. 57–58); АСЭИ. Т. 2. № 101. С. 62; № 103. С. 64.

²⁴ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. № 65. С. 449.

²⁵ АСЭИ. Т. 3. № 256. С. 276–277.

²⁶ Там же. № 270. С. 285.

²⁷ *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 4. С. 98.

²⁸ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв.: исследование и тексты. Вологда, 2011. С. 81 (Опись 1688 г.); *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 481 (Опись 1701 г.).

²⁹ «А сю грамоту духовную писал дьяк мой Василии Ухтомъской» (ДДГ. № 74. С. 277).

³⁰ «Тое же зимы архимандрита чудовского били в торгу кнутьем, и Ухтомского князя, и Хомутова, про то, что зделали грамоту на землю после княж Андреевы смерти Василиевича Вологодцкого, рекши: дал к монастырю на Каменое к Спасу» (ПСРЛ. Т. 6. С. 238; ПСРЛ. СПб., 1920. Т. 20. Ч. 1. С. 353; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 186; ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 319). «Тое же зимы поиман бысть архимандрит чудовскы Макарии да с ним князь Василии Ухтомской, и казнища их торговыми позоры» (ПСРЛ. Т. 23. С. 162).

³¹ АСЭИ. Т. 2. № 101. С. 61–62 (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 41).

кой княгини Марии Ярославны³². Это подтверждает делавшиеся в литературе предположения о тождестве дьяков Марии Ярославны и Андрея Меньшого³³. Кроме того, эти образцы почерка свидетельствуют, что у кн. Андрея Угличского служил другой дьяк, хотя и носивший такое же имя. Во всяком случае, почерк угличского Никифора³⁴ имеет явные отличия от почерка ростовско-вологодского дьяка³⁵.

На восьми подлинниках жалованных грамот Андрея Меньшого встречается один тип монограмм (тип 26 по классификации Ю. Г. Алексеева³⁶). Если предложенная расшифровка этой монограммы верна, то она принадлежала дьяку Василию Ухтомскому. Во всяком случае, в этой монограмме уверенно читаются имя и фамилия этого дьяка³⁷. Поскольку все грамоты с такой монограммой датированы 1471 г., становится ясно, что Василий Ухтомский, имя которого указано в духовной князя Андрея, служил ему как минимум десять лет — в промежутке между 1471 и 1481 гг.

Одна из декабрьских грамот 1471 г., подлинник которой хранится в собрании Н. П. Лихачева³⁸, наклеена на лист плотной бумаги. Из-за этого при публикации грамоты И. А. Голубцову не удалось рассмотреть никаких пометок на обороте, ни княжеской подписи, ни дьяческой монограммы. Тем не менее, под заклеякой на просвет можно различить некоторые пометки. К сожалению, в том месте, где обычно располагается княжеская подпись, у грамоты сильные повреждения, и без специальных технических средств подпись не читается. Немного лучше обстоят дела с монограммой. Рядом с местом прикрепления печати на просвет удастся различить верхний элемент монограммы дьяка Василия Ухтомского. Следовательно, эта

³² АСЭИ. Т. 1. № 385. С. 280 (ОР РГБ. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1008). В другом акте указывается отчетство этого дьяка Марии Ярославны — Никифор Демидович (АСЭИ. Т. 1. № 387. С. 281). Позднее в качестве ростовских землевладельцев упоминаются его дети (АСЭИ. Т. 1. № 579, 606, 616).

³³ Большая часть актов великой княгини Марии Ярославны, заверенных Никифором, относятся к 1470-м гг. Что может свидетельствовать о его возвращении на службу к вдовой великой княгине после краткого эпизода службы в вологодской канцелярии в период ее становления (*Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 369. № 15 (1467—1473 гг.); АСЭИ. Т. 1. № 385. С. 280 (1468—1478 гг.); Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. (далее — АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 66. С. 55—56 (1474—78 гг.); АСЭИ. Т. 2. № 252. С. 166 (1478—1482 гг.).

³⁴ АСЭИ. Т. 1. № 464. С. 350 (РГАДА. Ф. 281. Д. 748); № 533. С. 410 (ОР РГБ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 1372.5).

³⁵ Прямых указаний на связь угличского Никифора с конкретным образцом почерка отсутствует. Такой образец почерка дает расшифровка монограмм на двух угличских грамотах, в которой предположительно зашифровано имя Никифор (*Грязнов А. Л., Мошкова Л. В.* Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV — начала XVI в. // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2017. Вып. 19. С. 10—11).

³⁶ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 312—313.

³⁷ Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV — начала XVI в. С. 22—23.

³⁸ АСЭИ. Т. 2. № 194. С. 125—126 (НИА СПбИИ. Кол. 238. Оп. 2. Д. 33/1).

грамота, как и серия других грамот Андрея Меньшого от 6 декабря 1471 г., была заверена этим дьяком. Почерк текста самой грамоты тоже совпадает с почерком, которым написаны остальные декабрьские грамоты.

До недавнего времени считалось, что одна из жалованных грамот кн. Андрея Васильевича Спасо-Прилуцкому монастырю сохранилась не полностью. И. А. Голубцовым был обнаружен фрагмент этого акта, хранящийся в коллекции Н. П. Лихачева. Это середина документа, без указания адресата пожалования, даты и места выдачи. Тем не менее, исследовательская интуиция не подвела выдающегося археографа, который хоть и с долей сомнения, но поместил этот фрагмент в подборку актов Спасо-Прилуцкого монастыря³⁹. Позднее Ю. Д. Рыков выявил в коллекции А. П. Гранкова, переданной в ОР РГБ в 1975 г. еще одну часть этой жалованной грамоты, которая является началом документа и идеально стыкуется с фрагментом из коллекции Н. П. Лихачева⁴⁰. Грамота действительно содержала пожалование Спасо-Прилуцкому монастырю, однако, оставалась не найдена нижняя треть документа, на которой крепилась печать и должны были быть указаны дата и место его издания. В принципе, год выдачи этой грамоты удастся восстановить благодаря указаниям в монастырских описях — 6980 (1471/72) г.⁴¹ Сохранившаяся верхняя часть грамоты на обороте содержит княжескую подпись. Она выполнена почерком Василия Ухтомского, а почерк текста грамоты⁴² совпадает с почерком подьячего, писавшего жалованные грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю, выданные в декабре 1471 г. Следовательно, эта грамота хронологически и палеографически напрямую связана с грамотами, выданными в декабре 1471 г. Кирилло-Белозерскому монастырю и должна датироваться этим же временем⁴³. Подтверждаются эти наблюдения благодаря обнаружению оставшейся трети документа в собрании П. И. Щукина в ОПИ ГИМ⁴⁴. Окончание грамоты содержит место составления (Вологда) и дату — 19 декабря 1471 г. На обороте, рядом с местом прикрепления печати, стоит монограмма Василия Ухтомского. Таким образом, выясняется, что в декабре 1471 г. пожалования на вологодские вотчины получил не только Кирилло-Белозерский, но и Спасо-Прилуцкий монастырь.

Кроме почерков Василия Ухтомского и Никифора на грамотах вологодской канцелярии обнаруживаются индивидуальные почерка еще как минимум трех дьяков. Первый из них (Аноним 1) заверял самую раннюю

³⁹ АСЭИ. Т. 3. № 273. С. 288.

⁴⁰ Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 3. С. 86–87, 96–97.

⁴¹ Переписные книги вологодских монастырей XVI–XVIII вв. С. 73.

⁴² Воспроизведение фотографии лицевой стороны и оборота грамоты см.: Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. С. 86–87.

⁴³ При публикации отрывка этой грамоты в АСЭИ И. А. Голубцов датировал ее 1462–1480 гг. Ю. Д. Рыков на основании указания переписной книги Прилуцкого монастыря 1701 г. принял дату 1471/72 г.

⁴⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 389. Оп. 1. Д. 1. Этот фрагмент выявлен А. В. Дедуком.

датированную грамоту князя Андрея Васильевича, выданную в 1467 г.⁴⁵ Его почерк имеет некоторое сходство с почерком Василия Ухтомского, но начерки большинства букв имеют видимые отличия. Отсутствует и монограмма. Не исключено, что это почерк дьяка Федора Мячкова, работавшего в Вологде одновременно с дьяком Никифором, т. е. в самый начальный период функционирования вологодской канцелярии.

Почерк княжеских подписей на трех грамотах, датированных 1471–1475 гг.⁴⁶, принадлежит еще одному дьяку кн. Андрея Васильевича (Аноним 2). Тексты этих жалованных грамот написаны разными подьячими, следовательно, выданы они были, скорее всего, в разное время.

В одну группу можно поместить три грамоты первой половины – середины 1470-х гг. (Аноним 3). Наиболее близки между собой почерка княжеской подписи на жалованной 1476 г. и жалованной 1471–1475 гг.⁴⁷ Написание имени князя в них практически совпадает. Только в первом случае буква «д» оставлена в строке, а во втором – она выносная. Немного отличается стиль написания «ѣ». В первом случае нижняя петля образована двумя прямыми линиями, а во втором – она округлая. В написании третьей княжеской подписи (на грамоте без четкой хронологической привязки)⁴⁸ присутствуют начерки, использовавшиеся в обоих предыдущих вариантах подписи (выносная «д», прямые линии в «ѣ»), но «к» написана заглавной, что существенно меняет общий облик подписи. Необходимо отметить, что выявленные расхождения в исполнении княжеской подписи крайне не характерны для самого феномена княжеских подписей, выполнявшихся дьяками. Такие подписи должны были выполняться индивидуальным почерком и обладать стабильной графикой.

Меновая кн. Андрея Васильевича со Спасо-Каменным монастырем⁴⁹ сохранилась в составе сборника копий грамот Каменного монастыря, составленном на начальном этапе процесса формирования фонда «Грамоты Коллегии экономии»⁵⁰. В списке указано, что на обороте грамоты рядом с местом прикрепления печати стояла пометка «Майко». В историографии это рассматривается как свидетельство того, что известный дьяк Майко служил у кн. Андрея Васильевича и подписал эту грамоту⁵¹. Однако это

⁴⁵ АСЭИ. Т. 2. № 180. С. 112 (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 59).

⁴⁶ АСЭИ. Т. 2. № 205. С. 133 (РГАДА. Ф. 281. Д. 744); № 206. С. 134 (СПБНИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 111); Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 4. С. 98 (ОР РГБ. Ф. 711. Оп. 1. Д. 196. Л. 2).

⁴⁷ АСЭИ. Т. 2. № 232. С. 153–154 (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 72); № 202. С. 131 (РГАДА. Ф. 281. Д. 750).

⁴⁸ АСЭИ. Т. 2. № 177. С. 112 (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 56).

⁴⁹ АСЭИ. Т. 2. № 219. С. 141.

⁵⁰ НИА СПбНИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 60. Л. 2.

⁵¹ Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России. С. 250; Кустерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. М.; СПб., 2012. С. 86; Корзинин А. Л. «Диак инок» Корнилий Федоров сын Крюков и «подьячий» Николай Майков: к биографии

не жалованная грамота, а меновная. Процедура заверения меновных грамот, выработанная в канцеляриях князей Московского дома, отличалась от процедуры утверждения жалованных грамот. На обороте таких грамот не ставилось ни имени князя, ни иных пометок. Дьяк, заверявший грамоту, ставил свою подпись на лицевой стороне в конце текста⁵². Так было сделано и в этом случае. Федор Мячков поставил свою подпись: «А подписал дьяк Федор Мячков». Следовательно, имя Майко не было связано с процедурой оформления грамоты и появилось на ней позже. Аналогичные пометы (с именем Майко) в сборнике копий указаны и для еще двух грамот: жалованной Василия II⁵³ и указной Марии Ярославны⁵⁴. В обоих случаях имя Майко тоже было поставлено на обороте, рядом с местом прикрепления печати. И если для грамоты Василия II еще могла бы быть вероятность того, что помета связана с процедурой ее оформления, то указная грамота Марии Ярославны развеивает все сомнения. Дело в том, что копиист XVIII в. кроме княжеской подписи и пометы «Майко» воспроизвел еще и дьяческую монограмму, поставленную на обороте акта. Ее рисунок оказался очень точным, и он полностью совпадает с монограммами дьяка Семена, известными на других подлинниках жалованных грамот Марии Ярославны⁵⁵. Следовательно, княжескую подпись на обороте указной ставил дьяк Семен Васильевич Бородатый, а Майко, как и в случае с меновной кн. Андрея Васильевича, к процедуре выдачи грамоты не имел никакого отношения. Вывод о непричастности Майко к заверению можно распространить и на жалованную грамоту Василия II.

Вряд ли появление помет с именем Майко случайно. Они локализируются в одном месте и так, чтобы была возможность однозначной идентификации лица, их выполнившего. Стояли они на грамотах Спасо-Каменному монастырю представителей Московской династии, и их нет на помещенных в этом же сборнике грамотах князей Ярославского княжеского дома. Судя по всему, они были сделаны в ходе некоей ревизии владельческих документов Спасо-Каменного монастыря. И тут более чем вероятно связь с упоминавшимся выше разоблачением подделки жалованной грамоты кн. Андрея Васильевича в пользу именно Спасо-Каменного монастыря, в которой был замешан дьяк Василий Ухтомский. Таким образом, видимо, именно Майко, после смерти Марии Ярославны перешедший

преподобных Корнилия Комельского и Нила Сорского // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1. С. 117.

⁵² Грязнов А. Л. Московская делопроизводственная культура XIV–XV вв. // Вестник Российской Академии Наук. Studies in Russian, Soviet and Post-Soviet History. 2022. № 3.

⁵³ АСЭИ. Т. 3. № 266. С. 282.

⁵⁴ Там же. С. 283.

⁵⁵ АСЭИ. Т. 1. № 451 (РГАДА. Ф. 281. Д. 4971); Т. 2. № 207 (НИА СПбИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 112); № 249 (ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 75). Расшифровку этой монограммы см.: Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV – начала XVI в. С. 19–21.

на великокняжескую службу, проводил экспертизу, позволившую раскрыть фальсификацию, а сами эти пометы были знаком, удостоверяющим подлинность княжеских актов, подтвержденную в ходе экспертизы. Второй вывод из выявленного обстоятельства — нет никаких оснований считать Майко сотрудником вологодской канцелярии. Документальных подтверждений этому не обнаруживается, хотя теоретическая вероятность все же остается, учитывая связь многих других служилых людей кн. Андрея Меньшого с двором Марии Ярославны, на службе у которой Майко точно был в 1477 г.⁵⁶

Сопоставление содержания жалованных грамот вологодского князя позволяет уточнить взаимную хронологию и датировку некоторых из них. Например, в одной из декабрьских грамот 1471 г. говорится, что ранее кн. Андрей Васильевич пожаловал Кирилло-Белозерский монастырь пожнями по р. Порозобице: «да что есмь им придал к тем землям свои закосы князя Андрея Васильевича, на реке Порозобице...»⁵⁷. Под этим пожалованием, судя по всему, имеется ввиду жалованная грамота на 200 копен по Порозобице⁵⁸. Она не имеет точной даты и датирована И.А. Голубцовым временем игуменства Игнатия — 1471—1475 гг. Если отождествление этого пожалования верно, то оно должно было состояться раньше выдачи грамоты от 6 декабря 1471 г., а поскольку жалованная грамота адресована игумену Игнатию, вставшему во главе монастыря не ранее осени 1470 г.⁵⁹, то она должна датироваться периодом с осени 1470 г. по осень 1471 г.⁶⁰

Не имеет даты составления меновная грамота кн. Андрея Васильевича со Спасо-Каменным монастырем на деревни в волости Корна⁶¹. Само отсутствие даты в меновой грамоте соответствует московской делопроизводственной традиции⁶². Упоминание в этой грамоте в качестве игумена Спасо-Каменного монастыря Нифонта дало основание И.А. Голубцову для ее датировки «ок. 1480—81 гг.», поскольку кн. Андрей скончался в июне 1481 г., а в грамоте от февраля 1479 г.⁶³

⁵⁶ 1 сентября 1477 г. датируется грамота Марии Ярославны, в которой власти Кирилло-Белозерского монастыря информируются о том, что княгиня послала в монастырь со своим дьяком Майко вклад на поминание Панфутия Боровского (АСЭИ. Т. 2. № 249. С. 164).

⁵⁷ АСЭИ. Т. 2. № 192. С. 124.

⁵⁸ Там же. № 205. С. 133.

⁵⁹ Кустерев С. Н. Лабиринты Ефросина Белозерского. С. 83.

⁶⁰ Грязнов А. Л. «Князь Андрей Васильевич руку приложил». Неподлинная данная грамота вологодского князя Андрея Меньшого // Вестник «Альянс-Архео». М., 2016. Вып. 14. С. 7—8.

⁶¹ АСЭИ. Т. 3. № 270. С. 285.

⁶² В стандарт оформления княжеских меновных грамот входило указание на присутствие на процедуре боярина или другого высокопоставленного лица (или нескольких) и расположение в конце текста клаузулы о том, что грамоту подписал княжеский дьяк. Эти элементы тоже присутствуют в рассматриваемом документе.

⁶³ АСЭИ. Т. 3. № 269. С. 284.

игуменом назван Логгин. Предложенная хронология вполне возможна, однако, в собрании П. А. Овчинникова в ОР РГБ хранится список Толковой Псалтири, переписанной «понужением» игумена Логгина в 6989 (1481) г.⁶⁴ В литературе утвердилось мнение, что Логгин этой записи тождественен игумену Спасо-Каменного монастыря⁶⁵. Если это отождествление верно, то Нифонт не мог быть игуменом в 1480 или 1481 гг. и занимал пост настоятеля обители раньше Логина (но в период правления кн. Андрея Васильевича). Кроме того, среди грамот Спасо-Каменного монастыря есть еще одна недатированная грамота, адресована на имя Логгина. По ней великая княгиня Мария Ярославна передавала в ведение этой обители Никольский Святолуцкий монастырь⁶⁶, располагавшийся в Бохтюге, у истока Сухоны из Кубенского озера. В этой грамоте великая княгиня названа своим светским именем, а значит, документ был составлен до ее пострижения под именем Марфа 2 февраля 1478 (6986) г.⁶⁷ Однако игуменство Нифонта еще больше отодвигается, поскольку немного ранее, в октябре 1477 (6986) г., игуменом в Спасо-Каменном монастыре был Макарий, по благословию которого была создана рукопись Пролога⁶⁸. Отсюда следует два вывода. Грамота Марии Ярославны на Святолуцкий монастырь была выдана между октябрем 1477 г. и февралем 1478 г., а предшественником Логина на посту игумена был Макарий. Таким образом, вероятное игуменство Нифонта сдвигается на период не ранее начала 1470-х гг. и соответствующим образом датируется меновная грамота на деревни в Корне. В принципе, это согласуется с имеющимися источниками. Меновную подписал дьяк кн. Андрея Васильевича Меньшого Федор Мячков. Три других его упоминания относятся к первой половине княжения кн. Андрея. Он подписал подтверждения на имя вологодского князя грамот Марии Ярославны⁶⁹

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 209. Д. 67. Л. 209 об.

⁶⁵ *Голейзовский Н. К.* Дионисий и князь Андрей Угличский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22). С. 105.

⁶⁶ АСЭИ. Т. 3. № 268. С. 283.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 322.

⁶⁸ « В лето 6986 списана бысть сия книжица четверть Пролога месяца октоврия при благочестивом великом князи Иване Васильевиче и брате его благовернем князе Андрее Васильевиче Вологодском благословением игумена Макария и всечестнаго его братства Каменския обители...» (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1267. Л. 379 об.). Имя игумена (пропущенное при издании описания фонда, было прочитано С. Н. Кистеревым (*Кистерев С. Н.* Лабиринты Ефросина Белозерского. С. 327). Литература об этой рукописи: *Турилов А. А.* К истории Стишного пролога на Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 70–75; *Новикова О. Л.* К изучению Стишного пролога середины XV века из Кирилло-Белозерского монастыря // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2015. Вып. 12. С. 23, 26–27; *Чистякова М. В.* Новые данные о родстве московской и кирилло-белозерской редакций Стишного пролога (сентябрь–ноябрь) // Slavistica Vilmensis. 2014. № 59. С. 43.

⁶⁹ АСЭИ. Т. 3. № 256. С. 276–277.

и Ивана III⁷⁰, а эта процедура, судя по всему, проходила на самом начальном этапе самостоятельного княжения Андрея Меньшого. Еще раз Федор Мячков упоминается в грамоте, датируемой 1472–1475 гг.⁷¹ (ее подписал Аноним 2, о ней см. выше). Следовательно, уточняется не только датировка нескольких грамот Спасо-Каменного монастыря, но и хронология работы в вологодской канцелярии Федора Мячкова, деятельность которого в качестве дьяка вологодского князя, таким образом, не выходила за середину 1470-х гг.⁷²

Несколько грамот князя Андрея Васильевича сохранились только в списках. Обычно их содержание не подвергается сомнению, однако, как установил Д. Е. Гневашев, жалованная грамота Кирилло-Белозерскому монастырю от 19 декабря 1471 г.⁷³ является фальсификатом, созданным в начале XVII в. для подтверждения налоговых льгот на вологодское подворье белозерской обители⁷⁴. К доводам исследователя можно добавить то, что территория, на которой располагался двор Кириллова монастыря, и освобождение которого якобы должна была регулировать выданная кн. Андреем Васильевичем грамота, во второй половине XV в. еще не являлась посадской землей⁷⁵. Соответственно, там не могли располагаться дворы посадских людей, один из которых в соответствии с этой грамотой должны были приобрести власти Кирилло-Белозерский монастыря. В этой же грамоте по отношению к вологодской крепости применен термин «кремль», что, судя по всему, является анахронизмом.

⁷⁰ *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 481. Грамота известна только по упоминанию в описях Спасо-Прилуцкого монастыря. В описании этой грамоты говорится, что она выдана Иваном III Тимофею Матафтину в 6973 г., а на обороте у подписи была припись дьяка Федора Мячкова. С. М. Каштанов интерпретировал эту запись в том смысле, что Федор Мячков до перехода к Андрею Вологодскому ведал Вологдой, будучи дьяком великого князя (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 482). В данном случае в описи, скорее всего, говорится о расположении на обороте жалованной грамоты подтверждения, которое было подписано Федором Мячковым. После Ивана III, распорядившегося вологодскими землями в первое время после кончины Василия II (а дата выдачи жалованной грамоты свидетельствует именно об этом), подтверждение могло быть поставлено от имени Андрея Меньшого (или Марии Ярославны, что тоже согласуется данными о службе Федора Мячкова).

⁷¹ *Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. № 4. С. 98.

⁷² По мнению Ю. Д. Рыкова Федор Мячков ведал вологодской территорией еще на службе у Марии Ярославны (*Рыков Ю. Д.* Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. С. 93).

⁷³ АСЭИ. Т. 2. № 200. С. 130.

⁷⁴ *Гневашев Д. Е.* Подложный акт вологодского удельного князя Андрея Меньшого из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Проблемы дипломатики, кодологии и актовой археографии: Материалы XXIV Междунар. науч. конф. Москва, 2–3 февр. 2012 г. М., 2012. С. 239–242.

⁷⁵ Выше по течению р. Вологды располагалась пригородная слободка Вологодского епископа и Вознесенский монастырь. Находки в культурном слое этого района датируются началом XVI в.

Данная Андрея Меньшого на пожни по Порозобице от 1472 г.⁷⁶ опубликована во втором томе АСЭИ по тексту экземпляра, хранящегося в фонде ГКЭ⁷⁷. Издавая грамоту И. А. Голубцов отметил, что сохранившийся текст, видимо, является списком XVII в. На это, по его мнению, указывали характерные признаки: почерк — скоропись, скорее всего XVII в., широкие поля (верхнее, нижнее и левое) и водяной знак, схожий со знаками 1640-х гг. Резюмируя свои наблюдения, он заключил, что данная грамота — «по всем признакам — монастырский список для суда, едва ли точный, с подновлениями». Судя по этому заключению, содержание грамоты вызывало у И. А. Голубцова какие-то подозрения, но позднее в историографии вопрос достоверности этой грамоты вроде бы не поднимался⁷⁸. Кроме нехарактерного формата бумаги и почерка в глаза бросается подпись князя на обороте, которая выполнена как рукоприкладство послуха в грамотах XVI—XVII вв.: «Князь Андрей Васильевич руку приложил». Причем, хотя документ выдает себя за подлинный, и в самой грамоте нет указания на то, что это список, ее внешний вид и бумага свидетельствуют о написании грамоты в XVII в. Поэтому возникают вполне закономерные вопросы о достоверности содержания данной грамоты и о том, является ли она копией или подделкой.

Детальный анализ содержания этой данной грамоты кн. Андрея Васильевича позволяет выявить в ней признаки фальсификации⁷⁹. К самым явным признакам неподлинности можно отнести то, что передаваемые земли в тексте грамоты локализируются в Сямской волости и Вологодском уезде, т. е. используется терминология XVI—XVII вв., тогда как в 1470-х гг. Вологодского уезда еще не существовало⁸⁰, а территория позднейшей Сямской волости именовалась просто Сяма, собственно как и другие вологодские микрорегионы того времени: Кубена, Водога, Янгосар, Бохтюга, Пельшма, Комела, Волочок, Лоскома, Маслена.

⁷⁶ АСЭИ. Т. 2. № 219. С. 141.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 281. Д. 2572.

⁷⁸ Д. М. Мейчик считал эту грамоту списком XVII века (*Мейчик Д. М.* Грамоты XIV и XV вв. Московского архива Министерства юстиции. Их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. № 179. С. 143). С. А. Шумаков наоборот полагал, что это подлинник (*Шумаков С. А.* Обзор «Грамот Коллегии экономии». М., 2002. Вып. 5. С. 201).

⁷⁹ Подробнее разбор этого сюжета см.: *Грязнов А. Л.* «Князь Андрей Васильевич руку приложил». Неподлинная данная грамота вологодского князя Андрея Меньшого. С. 3—14. С высказанными сомнениями в подлинности грамоты согласна Л. В. Мошкова (*Мошкова Л. В.* Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки. Статья четвертая. М.; СПб., 2020. Вып. 31. С. 99).

⁸⁰ Удел князя Андрея Васильевича и в духовной Василия II и в духовной самого князя Андрея именовался «Вологда, и с Кубеною, и с Заозерьем, со всем, и что к Вологде, и к Кубене, и к Заозерью потягло» (ДДГ. № 61. С. 195; № 74. С. 276). Подробнее см. примеч. 2.

В пользу позднего происхождения текста акта свидетельствует указание на то, что пожня находится под юрисдикцией сямских и заозерских волостей. Подведомственность территории небольшой пожни двум волостелям — ситуация довольно странная. В случае же с пожней по речке Орловке возможности для пересечения юрисдикций разных волостей нет, и упоминание в грамоте двух волостей неоправданно.

Формула «дела нет», используемая в меновной, не встречается ни в других актах князя Андрея Васильевича, ни в грамотах этого времени, изданных другими князьями.

Станным выглядит упоминание Гридки Богданова, которому князь Андрей Васильевич якобы поручил составить документ. Ни в одном другом акте, вышедшем из канцелярии вологодского князя (за исключением его духовной грамоты), имени составителя не указано. В целом для московской делопроизводственной традиции второй половины XV в. не характерно упоминание в жалованных грамотах имен лиц, участвовавших в их составлении. В княжеских же духовных, наоборот, указание на писца было обязательным.

Подпись князя передана как рукоприкладство послуха на документах XVI—XVII вв. с использованием формулы «руку приложил». На остальных грамотах вологодского князя (в том числе и сохранившихся только в списках) его подпись передана корректно: «Князь Андрей Васильевич».

Собственно, если выделить в грамоте те места, которые не характерны для подлинного акта 1470-х гг., то остается только топографическая привязка вклада и общие места (имя князя, название монастыря, имя игумена и дата). Вся совокупность приведенных сведений показывает, что мы имеем дело с фальсификатом середины XVII в. Цель его изготовления ясна из приказной пометки на самой грамоте — она привлекалась как доказательство в суде. Непосредственным источником для составителя фальшивой грамоты, судя по всему, послужила жалованная грамота князя Андрея Васильевича на пустоши в Сяме. Аргументом в пользу того, что в качестве образца использовалась подлинная жалованная грамота князя Андрея Меньшого, является почерк «княжеской» подписи, который повторяет графику почерка дьяка Василия Ухтомского на грамотах 1471 г. Следовательно, изготовитель этой грамоты действительно имел в качестве образца подлинную грамоту и старался придать своему изделию признаки подлинника. Обращает на себя внимание и дата, выбранная для этой грамоты, совпадающая с датой выдачи жалованной грамоты Спасо-Прилуцкому монастырю, т. е. и князь, и заверивший грамоту дьяк действительно были в это время в Вологде и занимались оформлением пожалований местным землевладельцам (возможно, не только духовным).

Подозрение вызывает еще одна жалованная грамота князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю, сохранившаяся только в списке⁸¹. Она датируется 7 декабря 1471 г. и на первый взгляд сходна с се-

---

⁸¹ АСЭИ. Т. 2. № 199. С. 129.

рией грамот, выданных днем ранее (большинство из которых сохранилось в подлиннике и сомнений не вызывает). Однако несколько деталей оформления заставляют усомниться в том, что перед нами аутентичный список. Все грамоты, подписанные Василием Ухтомским, начинаются с формулы «Пречистыя ради Богородицы и честнаго ея Успения» (в случае с пожалованием Кирилло-Белозерскому монастырю) или «Великаго ради Спаса» (в случае пожалования Спасо-Прилуцкого монастыря). Эта же формула используется в грамоте от 6 декабря, сохранившейся только в списке (что может служить дополнительным аргументом в пользу ее аутентичности). В рассматриваемой же грамоте в середине этой формулы присутствует добавление «матери Божия». В конечном протоколе этой же грамоты отсутствует упоминание того, что она издана на Вологде, хотя в грамотах от 6 декабря такое указание обязательно. Формат даты краткий «лета 80 декабря 7 день» вместо полного, используемого в подлинных грамотах: «лета 6980 декабря 7 день, индикта 5».

Отдельный сюжет, связанный с канцелярией князя Андрея Васильевича, — это его духовная грамота⁸². Теоретически она должна была отражать последнюю волю князя и изготавливаться его людьми. В случае, например, с его братом Борисом Волоцким это вроде бы действительно было так. Однако пример с составлением духовной кн. Михаила Андреевича, которому под давлением Ивана III пришлось принять вариант духовной, составленный в великокняжеской канцелярии⁸³, заставляет внимательней присмотреться и к духовной Андрея Меньшого. Она, как и завещание его старших братьев Ивана III и Юрия Дмитровского⁸⁴, сохранилась в великокняжеском архиве только в списке. Притом, что основным наследником и исполнителем последней воли вологодского князя назначался именно Иван III, вследствие чего вполне ожидаемо наличие в великокняжеском архиве именно подлинной грамоты.

Л. В. Черепнин полагал, что духовная грамота Андрея Меньшого составлялась в великокняжеской канцелярии и отражала формулировки, выработанные в интересах Ивана III, а сохранившийся экземпляр — это проект, вышедший из великокняжеской канцелярии⁸⁵. А. А. Зимин высказал соображения о датировке духовной грамоты Андрея Васильевича, склоняясь к августу 1479 г. на основании того, что в летописях говорится о заключении договоров Ивана III с братьями Андреем Угличским и Борисом Волоцким, а о завещании Андрея Вологодского не упомина-

⁸² ДДГ. № 74. С. 275–277.

⁸³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 175–179, 181–182; Мошкова Л. В. «Война текстов»: духовная князя Михаила Андреевича и его последнее dokonчание с Иваном III // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2022. С. 191–193.

⁸⁴ ДДГ. № 68. С. 221–224; № 89. С. 353–364.

⁸⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. С. 179–182.

ется⁸⁶. В. Д. Назаров уточнил датировку грамоты и считает ее подлинным документом, для которого не была завершена процедура юридического оформления⁸⁷.

Почерк грамоты не совпадает с почерком княжеских подписей на грамотах 1471 г., которые, судя по расшифровке монограммы, писал Василий Ухтомский. Следовательно, имеющийся документ не был подлинником, готовым к заверению. В лучшем случае — это мог быть черновой вариант, подготовленный для переписывания Василием Ухтомским. Однако против этого варианта говорит отсутствие правок и филигрань бумаги, на которой написана духовная. По определению Л. В. Мошковой — это «сердце» (на л. 1)⁸⁸, идентичное филигранию, представленной в каталоге Брике (№ 4195) и датируемой 1492, 1494 г.

На основании этих данных можно заключить, что сохранившийся текст не оригинал грамоты. Также он не является незаверенным подлинным экземпляром, подготовленным в канцелярии князя. Скорее всего — это список, изготовленный в великокняжеской канцелярии в конце XV в. Тем не менее, открытым остается вопрос о существовании подлинной утвержденной духовной грамоты вологодского князя, поскольку имеющийся список не содержит информации о ее утверждении (печатах и подписи митрополита). Возможно, духовная грамота Андрея Меньшого, так же как и духовные грамоты Ивана III и кн. Юрия Васильевича, не была в свое время заверена. Во всяком случае, никаких доказательств существования именно утвержденной духовной грамоты вологодского князя не обнаруживается⁸⁹. Возможно, в великокняжеском архиве сохранился проект этого документа, так и не подписанный его гарантами, с которого позднее была изготовлена копия, сохранившаяся до наших дней. Тем не менее, положения этой духовной грамоты реали-

---

⁸⁶ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 317, 324.

⁸⁷ Назаров В. Д. Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого: время и место составления, политический контекст // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. М., 2019. С. 292—294.

⁸⁸ В. Д. Назаров считает, что филигрань бумаги духовной Андрея Меньшого — «гербовый щит на епископском жезле», тождественная одной из филиграний рукописи Маргарит, переписанной по заказу князя Андрея в 1478 г. (Назаров В. Д. Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого. С. 292).

⁸⁹ В описи царского архива духовная грамота кн. Андрея Меньшого описана крайне общо, в составе подборки духовных грамот других удельных князей: «да духовные волотцких князей, да княж Дмитреева Ивановича, да княж Ондreja Меньшика...» (Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 31). Описание духовной кн. Андрея в описи архива Посольского приказа 1614 г. полностью соответствует современному состоянию грамоты: «Грамота удельного князя Ондreja Васильевича Меншого, что ему кому что дати и на ком что взятии, рук и печати и лет нет (Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. С. 59).

зовывались на практике⁹⁰. С этим, возможно, и было связано наличие в великокняжеском архиве списка грамоты, который был призван обеспечить юридическое обоснование сложившейся *de facto* ситуации⁹¹.

В духовной упоминается опишний список, в котором содержались более подробные сведения о весе заложенных князем Андреем Васильевичем драгоценностей⁹². Следовательно, дошедший список духовной не является целым комплексом и сопровождался еще дополнительными грамотами, которые не сохранились. Возможно, по аналогии с духовной кн. Михаила Андреевича, отдельными грамотами оформлялись упомянутые в духовной пожалования и вклады.

Косвенную информацию о делопроизводстве и канцелярии вологодского удела дает рукопись Маргарита, хранящаяся в ОР РНБ. В конце этой рукописи помещена пространная выходная запись на двух страницах. В ней сообщается, что она создана в 1478 г. в правление князей Ивана Васильевича и его сына Ивана Ивановича. Непосредственным заказчиком рукописи назван князь Андрей Васильевич Меньшой: «Начата ж быс писати сия божественна книга... замышлением же, и хотением, и любовью сердечною благовернаго и христоролюбиваго князя Андреа Василиевича Меншого»⁹³. Переписал рукопись Сидка Молчанов «во граде нарицаемом Москве». Как выяснил Б. М. Клосс, Сидка Молчанов был квалифицированным писцом и работал в великокняжеском скриптории⁹⁴, являясь коллегой Михаила Медоварцева и Ивана Черного.

Наличие квалифицированных специалистов в области написания текстов в штате канцелярии кн. Андрея Меньшого сомнений не вызывает, и это подтверждают сохранившиеся акты. Заказ князем Андреем Меньшим изготовления Маргарита в великокняжеском скриптории свидетельствует о том, что канцелярия кн. Андрея Васильевича занималась именно составлением документов, ведением делопроизводства и административной работой, а для книгописной работы даже для нужд своего князя ее сотрудники не привлекались.

⁹⁰ К такому выводу пришел В. Д. Назаров, отметивший, что селом Ясенеvским после 1481 г. владел кн. Борис Васильевич, а затем его дети (*Назаров В. Д.* Завещание князя Андрея Васильевича Меньшого. С. 293).

⁹¹ Необходимо отметить, что распоряжения кн. Юрия Васильевича, прописанные в его духовной, по которой душеприказчиками назначались Иван III и Мария Ярославна, реализовывались выборочно. Например, по грамоте Ивана III Троице-Сергиев монастырь получил села Кучку и Деревеньки (АСЭИ. Т. 1. № 411. С. 301), а следующее в духовной кн. Юрия распоряжение о передаче Симонову монастырю с. Велино в монастырь реализовано не было и село осталось в дворянских землях (*Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV—первой половина XVI в. Л., 1979. С. 94, 195).

⁹² ДДГ. № 74. С. 276.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. 1. 193. Л. 411—411 об.

⁹⁴ *Клосс Б. Н.* О происхождении названия «Россия». М., 2012. С. 32—33.

Сохранившиеся подлинники и списки грамот, созданных в вологодской княжеской канцелярии, дают вполне четкое представление о формуляре этих документов и способе их оформления.

Жалованные грамоты оформляются по стандарту, принятому в это время в канцеляриях князей Московской династии. В первую очередь, это почерк (канцелярский полуустав). Стабилен формат бумаги (ширина листа). Высота используемого листа бумаги соответствует объему текста грамоты. Лишних полей не оставляется. Заметно стремление выдержать одинаковые поля со всех сторон. Грамоты заверяются прикладной черновосковой печатью. На обороте ставится княжеская подпись, выполняемая уполномоченными на то дьяками. Один из дьяков имеет собственную монограмму, которую ставит на обороте документа.

Начальный протокол жалованных грамот находится в прямой зависимости от персоналии дьяка, заверявшего ее. Все грамоты, подписанные Василием Ухтомским, начинаются с богословской преамбулы: «Пречистыя ради Богородицы и честнаго ея Успения» или «Великаго ради Спаса». Грамоты, заверенные другими дьяками, как правило, начинаются с интитуляции: «Се яз, князь Андреи Васильевич». Единственное исключение — использование Анонимом 3 богословской преамбулы: «Святыя деля Богородица и частнаго ея Успения и своего ради спасения»⁹⁵.

Меновые грамоты тоже оформляются по выработанному в Москве формуляру. В конечном протоколе указывается присутствующий на обмене боярин. Дата и писец не указываются. В конце грамоты, рядом с местом прикрепления печати, ставит подпись дьяк: «А подписал дьяк имярек». На обороте никаких пометок не делается, нет ни монограммы, ни княжеской подписи.

Вполне уверенно прослеживается практика подтверждения грамот предшествующих правителей. Как и в других канцеляриях князей Московского дома, эта процедура распространяется только на пожалования, сделанные потомками Ивана Калиты. Как и у других князей, подтверждение ставилось на обороте грамоты. Прописывается объем прав, подтверждаемых князем (в полном объеме или с изъятиями). В конце указывается имя дьяка, оформлявшего подтверждение: «А подписал дьяк имярек». Известно пять подтверждений. Три на грамоты Василия II и по одному на пожалования Ивана III и великой княгини Марии Ярославны. Первые три оформил Никифор, а два других — Федор Мячко. Датируются подтверждения первыми годами правления кн. Андрея. Во всяком случае, в списке, содержащем текст одного из подтверждений, сделанных Никифором, стоит дата 6907 г., которую С. М. Каштанов вполне оправданно интерпретирует как 6977 (1468/69) г.⁹⁶ Два других подтверждения, оформленных Никифором, сделаны на имя кирилловского

---

⁹⁵ АСЭИ. Т. 2. № 202. С. 131.

⁹⁶ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 449.

игумена Кассиана, т. е. относятся к периоду 1467–1470 гг.⁹⁷ Возможно, то, что Никифор заверял грамоты Кирилло-Белозерского монастыря, а Федор Мячков – Дионисиево-Глушицкого монастыря и светского лица, связано с разделением сферы компетенции между дьяками⁹⁸.

На первый взгляд, сохранившиеся источники не дают значительного материала о каких-либо особенностях в функционировании вологодской канцелярии. Однако на ее примере все же можно разобрать несколько сюжетов.

Первый из них – уникальная для XV в. серия из восьми⁹⁹ жалованных грамот одного князя, выданных в одном месте и в одно время (с точным указанием места и даты выдачи). Речь идет о жалованных грамотах, выданных Кирилло-Белозерскому монастырю 6 декабря 1471 г. Здесь важны не столько количество грамот, выданных одновременно (хотя эта ситуация подтверждает еще более яркий пример возможности интенсивной работы княжеских канцелярий на протяжении одного дня¹⁰⁰), и не разнообразие пожалований, а процедура их оформления. Серия декабрьских грамот была составлена в Вологде. Особое упоминание этого обстоятельства свидетельствует о необычности ситуации. Значит, как правило, грамоты Андрея Васильевича составлялись в другом месте, видимо, в Москве (на что в некоторых грамотах имеется указание). Еще важнее то, что выданные в Вологде грамоты написаны одним почерком и заверены одним дьяком. Соответственно, делаем вывод, что с князем путешествовали не все служившие в его канцелярии дьяки и подьячие, а только узкий круг, который можно назвать походной или ближней канцелярией. Остальные сотрудники канцелярии (судя по почерку грамот и княжеских подписей в конце 60-х – начале 70-х гг. у Андрея Меньшого служило не менее трех дьяков), надо полагать, находились в это время в Москве.

В целом, суммируя приведенные выше наблюдения о штате вологодской канцелярии, особенностях функционирования, можно сделать вывод, что заметных отличий в оформлении грамот вологодского удельного князя не обнаруживается. Формат документов, расположение текста,

⁹⁷ АСЭИ. Т. 2. № 101. С. 62; № 103. С. 64. Уточненную датировку этих подтверждений предложил С. М. Каштанов (*Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики*. С. 370).

⁹⁸ Высказанное предположение требует проверки на более широком материале. Во всяком случае, подтверждения, ставившиеся от имени Ивана IV в первый год его правления, подписаны весьма ограниченным кругом дьяков. В ряде случаев наблюдается и разделение труда между ними при заверении подтверждений на грамотах определенных церковных институций (см.: *Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30-х – 40-х годов XVI века*. М., 2010. С. 750–793).

⁹⁹ Декабрем 1471 г. датируется 11 грамот кн. Андрея Васильевича, однако, как установлено выше, одна из них точно является фальсификатом. Аутентичность еще одной пока находится под сомнением.

¹⁰⁰ *Мошкова Л. В. Договор Ивана III с Андреем Большим 1481 г.: этапы составления // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2021. Вып. 37. С. 37–53.*

почерк, распределение ролей между дьяками и подьячими совпадают с аналогичными параметрами в документах того же времени других князей Московской династии. В начальный период княжения производится подтверждение жалованных грамот отца, матери и брата. Практика эта еще не имеет давней традиции в московском княжении, но в вологодской канцелярии ей следуют вполне уверенно, что может говорить о прямых профессиональных контактах с великокняжеской канцелярией.

Сама канцелярия располагалась в Москве, но с князем постоянно находилась часть канцелярских служащих (как минимум дьяк и подьячий) – походная канцелярия. Вполне традиционна служба в канцелярии нескольких дьяков, одновременно двух–трех. Источник формирования канцелярии князя Андрея Васильевича, судя по всему, идентичен источнику формирования его двора – двор и канцелярия великой княгини Марии Ярославны. Происхождение двух из трех известных по именам дьяков – родословные люди (Василий Ухтомский и Федор Мячков), что говорит о довольно высоком статусе этой категории канцелярских служащих. Традиционно и разнообразие сроков службы дьяков. Кто-то (как, например, Никифор или анонимные дьяки) работает сравнительно короткий промежуток времени, а кто-то (как Василий Ухтомский) практически весь период существования удела). Сфера деятельности княжеских дьяков не ограничивалась только составлением жалованных и указных грамот. Кроме этого, как и дьяки других князей московского дома, они проводили земельные описания, участвовали в разборе земельных споров, возможно, участвовали в процессе сбора дани.